

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации**

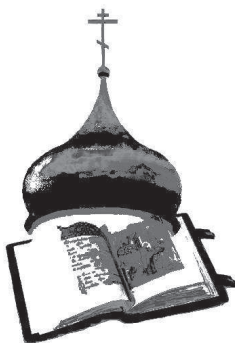
Московский педагогический государственный университет

Институт филологии

Институт истории и политики

XIX ПАСХАЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы Девятнадцатой Международной
научно-методической конференции
«Гуманитарные науки и православная культура»**

Москва
2021

Егерева Т.А.

**«...Старинный, почти допетровский быт»:
граф С.Д. Шереметев об усадебной жизни князей
Вяземских в Удино**

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918 гг.) — известный общественный и государственный деятель рубежа XIX–XX вв., историк, мемуарист, представитель прославленного в отечественной истории аристократического рода, с особым вниманием относился к сохранению семейных преданий, видя в этом свой нравственный долг перед предками и потомками. Будучи женат на Е.П. Вяземской, внучке известного поэта пушкинской эпохи князя П.А. Вяземского, граф заботился об увековечивании наследия и этого памятного в летописях русской культуры и литературы дворянского рода. В 1898 г. он выкупил у своего шурина знаменитую подмосковную усадьбу Вяземских Остафьево, связанную с именами Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, и открыл в ней общедоступный музей. Особый интерес вызывал у графа Остафьевский архив князей Вяземских — уникальное по охвату и содержанию документов фамильное собрание. Как писал С.Д. Шереметев, «Остафьевский архив — не есть только семейное достояние, он имеет значение общественное. Здесь сходятся сложные нити отражений тех звезд «разрозненной плеяды», о которых вспоминал Баратынский» [5, с. 410]. В 1894 г., еще до покупки самой усадьбы, Сергей Дмитриевич приобрел у своего шурина Остафьевский архив и занялся его изучением и публикацией наиболее интересных документов.

Среди бумаг архива его внимание привлекла приходно-расходная книга за 1788–1789 гг. усадьбы Удино, которой владел Иван Андреевич Вяземский — отец А.И. Вяземского и дед поэта П.А. Вяземского. Внимательное рассмотрение этого документа усадебного делопроизводства позволило С.Д. Шереметеву сделать любопытные выводы о стиле усадебной жизни и семейном быте князей Вяземских в последней трети XVIII в., о характере старого князя И.А. Вяземского и попутно скорректировать семейную память о нем.

А память эта была негативной. Тесть С.Д. Шереметева, князь П.П. Вяземский, так писал о своем прадеде: «Князь Иван Андреевич был человек суровый, с оттенком русского приказного человека XVII

столетия и немецкого бюрократа, сформировавшегося при дворе императрицы Анны Иоанновны, таким он остался в отношениях к сыну до конца жизни» [1, с. III; 3, л. 1]. Причина нелестной оценки проста: П.П. Вяземский опирался на сохранившиеся в семейном архиве письма своего деда, А.И. Вяземского, который «рисует яркую картину домашнего быта князя Ивана Андреевича» [3, л. 1 об.]. Письма А.И. Вяземского были частично опубликованы П.П. Вяземским в «Архиве князя Вяземского». Граф С.Д. Шереметев чрезвычайно высоко ценил это издание, олицетворявшее в его глазах просвещенный и уважительный подход к семейному наследию, неотделимому от культурного наследия российского общества в целом. Не случайно предпринятое им самим 5-томное издание «Остафьевского архива» воспринималось графом как продолжение фамильной традиции. Свою работу об Удине С.Д. Шереметев начал с процитированных слов П.П. Вяземского из «Архива князя Вяземского» и дальше по тексту статьи еще два раза ссылаясь на это издание, но к опубликованным в нем документам старался подойти взвешенно.

Так, неприглядное описание А.И. Вяземским отцовского быта граф С.Д. Шереметев справедливо объяснял тем, что «он пишет это под впечатлением дурного приема и неудачи по вопросу брачному» [3, л. 1 об.]. А.И. Вяземский тщетно пытался получить согласие отца, Ивана Андреевича, на свой брак с Женни О'Рейли, которая была не только иностранкой, но и разведенной женщиной. Не добившись родительского одобрения, он женился самовольно, что спровоцировало семейный разлад. «Резко отличались отец и сын характерами, взглядами, направлением и образом жизни. Крайности встретились и встреча не привела к добру» [3, л. 1 об.], — аккуратно писал о конфликте «отцов и детей» в семье Вяземских С.Д. Шереметев. И хотя впоследствии старый князь примирился со своей невесткой, у А.И. Вяземского остались тяжелые воспоминания о родительском доме в Удине, поэтому сразу после смерти отца он поспешил продать усадьбу и купить новую — Остафьево, где развернул по своему вкусу строительство дворца и разбивку парка. Неудивительно, что у его потомков сложился негативный образ князя Ивана Андреевича, что и воспроизвел в своих заметках П.П. Вяземский.

Однако С.Д. Шереметев, вчитываясь в скупые записи удинской книги, увидел в ней «старинный, почти допетровский быт» [3, л. 2] и

патриархальные привычки Ивана Андреевича, отнюдь не свидетельствовавшие об особой жестокости его характера: «Имена родственные, указания на поместья, на постройки, на вкусы и привычки чередуются с вестями о покупках провизии и пр., и картина получается хотя и не яркая, но и не особенно мрачная» [3, л. 3].

Хозяйство было натуральным, и на покупку заморских деликатесов старый князь деньги не тратил: 6 руб. за 3 фунта пастилы и 15 коп. за курительный табак — вот и все расходы на стол 1788 г., не считая 60 коп. за обед в Клязьме, где он останавливался на отдых по пути в усадьбу — «заплачено было за сено, за лошадей и за обед людской» [3, л. 5 об.]. При этом хозяйство требовало расходов: 50 руб. «послано в Весновскую деревню к Макарке для покупок хлеба», пожалованы деньги двум птичникам, плотникам, садовнику Антипке, в 1789 г. «куплено два жернова».

«Те немногие намеки, которые заключаются в книге расходной 1788-1789 годов, драгоценны своими указаниями на людей и на некоторые подробности жизни и обстановки, — писал С.Д. Шереметев. — Они рисуют князя Ивана Андреевича как человека определенных вкусов и привычек, вполне бытового и добротворительного, церковного и хозяйственного» [3, л. 2 об.]. Слово «бытовой» в трудах С.Д. Шереметева неизменно означало положительную характеристику человека, стоявшего на «твердой народной почве» («как человек бытовой и сильный, на твердой народной почве стоящий, много обещал в будущем» [4, с. 240], — писал он, к примеру, о чрезвычайно симпатичном ему Д.С. Сипягине, «во всем был виден и чувствовался всегда старый русский бытовой закал» [4, с. 344] — об К.А. Иславине).

Что касается «добротворительного», действительно, старый князь Иван Андреевич много денег тратил на благотворительность, помощь родственникам («Оболенским князьям дано карманных денег 300 руб.» — самый большой его единовременный расход за 1788 г.) и крестьянам — «князь приказал подать мужичку 5 к.», всем именинникам выдавалось от имени князя по 25 коп. Граф Шереметев не преминул отметить это обстоятельство, тем более что оно соответствовало его убеждению, что в крепостном быту было много патриархальной помощи помещиков своим крепостным, что замалчивала современная ему интеллигенция: «...по-видимому, с крестьянами он в ладах, — писал С.Д. Шереметев об Иване Андреевиче. — Именинникам дает он денежные подарки, и чин домашний у него размеренный и неизменяемый» [3, л. 3].

Такой размеренный домашний чин был общественным идеалом С.Д. Шереметева. В подобной стилистике он описывал домашний быт своего отца, графа Д.Н. Шереметева, любимого им императора Александра III и других близких ему по духу современников, подчеркивая, что у них все было «совершенно просто». Поэтому с особым удовольствием он усмотрел черты патриархального быта и в обстановке удинского домохозяина — этот быт, «столь крепко еще державшийся в царствование Екатерины и столь быстро начавший обезличиваться при двух последовавших царствованиях, особенно при последнем, т.е. во времена Александра I, когда, несмотря на обещание царствовать по духу и сердцу премудрой бабки, мы решительно свернули с Екатерининского пути...» [3, л. 2]. Может показаться странным, что С.Д. Шереметев усмотрел «допетровский» усадебный быт в эпоху Екатерины II, но эту мысль граф проводил не только в заметке про Удино, но и в других своих исторических работах. «Взгляните внимательно на обычаи двора того времени, — писал он о екатерининском царствовании, — просмотрите камер-фурьерские журналы, путешествия, сообщения иностранцев и дипломатов о нравах того времени — везде вы увидите, что мы еще во многом живем старым допетровским бытом <...> Нет, Екатерина не заслужила упрека в потворстве иноземному. Она, и как бы ни показалось это странным, и только Великая Екатерина, на мой взгляд, окончила период древней Руси» [4, с. 252].

Непрерывной чертой этого патриархального быта было благочестие и особое прилежание к церкви, что было свойственно и для строя жизни старого князя Вяземского. Князь Иван Андреевич содержал своих певчих и музыкантов, которым платил по 4 руб. 20 коп. По его приходно-расходной книге можно проследить круг православных праздников, справлявшихся в усадьбе. Так, 25 декабря 1788 г. «священнику Никольскому за славление 1 р, за всенощную и за причастие и за славление приходскому священнику 3 р» [3, л. 5 об.], в феврале 1799 г. «священнику приходскому дано за причастные молитвы 50 к», «за службу за первую неделю Великого Поста дано священнику монаху 7 р», в апреле «священнику дано за службу Страстной недели 3 р» [3, л. 6].

Князь Иван Андреевич решил возвести в усадьбе церковь во имя Сергия Радонежского, и основные его расходы шли на постройку и содержание храма. В 1788 г. «подрядчику который церковь строил дано 2 р», «каменщикам, церковь которые строят, из карман<ных

денег> 65 р», «красного вина куплено в Удино для церкви 40 к» [3, лл. 5-5 об.]. В 1789 г. «для украшения Покрова Богоматери куплено камней 80 к», «за иконостас по договору в число 160 р. дано в задаток 60 р», «ладану для церкви в Удино $\frac{1}{2}$ фунта 20 к», «за позолоту образов 55 р», «за позолоту канастаса и пр. 315 р», «куплена служба Сергию Чудотворцу 60 к», «за оклад и позолоту образа Сергия Чуд. дано 25 р» [3, л. 6].

С.Д. Шереметев нашел объяснение посвящению церкви Сергию Радонежскому, используя для этого свои излюбленные методы исторических изысканий — генеалогический и историко-географический: «Его <князя Ивана Андреевича> любимая усадьба Дмитровская — Удино и ближайшее богомолье Николо-Пешношский монастырь, основанный Пр.<еподобным> Сергием [учеником Сергия Радонежского Мефодием — *Т.Е.*]. Потому и строящаяся церковь посв.<ящена> Пр. Сергию Радонежскому. Он же и ангел княгинина отца казненного князя Сергия Григорьевича, блестящего посла нашего в Голландии, Швеции и Франции, одного из лучших Долгоруких, родоначальника старшей ветви этого многочисленного рода» [3, л. 3 об.].

Внимание к родословию изучаемых лиц, учет их близкого и дальнего родственного окружения было отличительной чертой работ С.Д. Шереметева по русской истории, недаром он являлся членом-учредителем и товарищем председателя (1898–1903 гг.) Русского генеалогического общества. Сергей Дмитриевич не ограничился родословием супруги Ивана Андреевича, княгини Марьи Сергеевны, но отметил также, что в Остафьевском архиве сохранились сведения о его тетке Марье Федоровне Вяземской, а также вписал чернилами в конце уже набранного машинописного текста статьи об Удине сведения о сестре Ивана Андреевича — Е.А. Оболенской: «Она мать известного князя Андрея Петровича Оболенского, опекуна малолетнего князя Петра Андреевича Вяземского» [3, л. 4].

Другой особенностью исторических трудов С.Д. Шереметева было особое внимание к усадьбам и старым родовым гнездам, их истории и современному состоянию. Хотя статья С.Д. Шереметева была посвящена Удино, он не мог не отметить, что «в Москве у князя Ивана Андреевича был дом на Тверской на углу переуллка Вяземского — ныне называемого Козицким. Здание это еще недавно сохранявшее характер барского дома, ныне блещет сомнительными украшениями и обилием стекол исполинских размеров. У Вяземских были и другие дома — на Колымажном дворе, где родился его внук, князь Петр

Андреевич, в Андреевском приходе <...>» [3, л. 4]. Среди многочисленных и разнообразных бумаг С.Д. Шереметева, посвященных русским усадьбам, сохранилась также его небольшая выписка из «Московских ведомостей»: в номере газеты от 1784 г. на глаза графу попало объявление о продаже дома князя Ивана Андреевича в Москве, за Серпуховскими воротами. Дом был деревянный, с каменными кладовыми и погребями, «в нем господских покоев с антресолями более 30, службы, погреб, кухня, каретный сарай, конюшня с оранжереей», в которой росли разные плодовые деревья и даже ананасы, а также регулярный сад [2, л. 1].

Работа над статьей об Удино графом С.Д. Шереметевым не была закончена: не перепечатаны на машинке вставленные им чернилами от руки ссылки на «Архив князя Вяземского» и дополнения про удинского священника, оставлены пустые места, чтобы вписать туда надпись на могильной плите М.С. Вяземской, похороненной в Николо-Пешношском монастыре, и сведения из синодика этого монастыря про поминовение рода князей Вяземских. Возможно, граф С.Д. Шереметев планировал осветить историю усадьбы в XVII в., до пожалования ее в 1722 г. Екатериной I А.Ф. Вяземскому, поскольку вслед за конспектами из приходно-расходной книги были помещены архивные выписки про Удино из Московского архива министерства юстиции, список с писцовой книги по Дмитровскому уезду 1627-1628 гг. и переписных книг по Дмитрову 1678 г. и 1705 г. В целом работа С.Д. Шереметева об Удино интересна не только приводимыми в ней сведениями по истории усадебного быта и родословию князей Вяземских, но и как образец применяемых графом методов исторических разысканий и его взглядов на отечественный XVIII век.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив князя Вяземского. Князь Андрей Иванович Вяземский. Издание графа С.Д. Шереметева. СПб., 1881. 369 с.
2. Дом князя Ивана Андреевича Вяземского – выписка С.Д. Шереметева из «Московских ведомостей» 1784 года // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 1. Ед. хр. 5601.
3. «Удино» – усадьба кн. И.А. Вяземского. Статья С.Д. Шереметева // РГАДА. Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 1. Ед. хр. 5531.
4. Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 3 / Сост. К.А. Ваха и Л.И. Шохина. Подготовка текста Л.И. Шохина. М.: Индрик, 2005. 536 с.

5. Шохин Л.И. Записка графа С.Д. Шереметева об истории Остафьевского архива князей Вяземских // Археографический ежегодник за 2001 год. М.: Наука, 2002. С. 407–411.

Иванова А.Н.

Народные публичные чтения как способ просветительской деятельности земств в пореформенный период

В 1864 г. в Российской империи в уездах и губерниях были созданы органы местного самоуправления — земства. Земская, а затем и городская реформа явились прямым следствием крестьянской реформы 1861 г., ликвидировавшей полицейскую власть помещиков над крестьянами. В результате появилась *угроза возникновения вакуума власти на местах*, так как в новых условиях было непонятно, кто теперь будет регулировать взаимоотношения между крестьянами и поддерживать необходимый правопорядок, а также обеспечивать своевременную уплату налогов. Именно с этой целью, прежде всего, и создавались земства. Другой, скрытой целью, на наш взгляд, было стремление государственной власти *переложить расходы на местное управление на само население*. Тем более, данная мера вполне вписывалась в общий правительственный курс, направленный на всемерное снижение государственных расходов и ликвидацию огромного дефицита бюджета, образовавшегося во время Крымской войны. Поэтому правительство пошло на беспрецедентный по тем временам шаг — земства были отделены от органов исполнительной власти и стали органами именно самоуправления, а не административными учреждениями. Следовательно, и в финансовом плане они были переведены на полное самообеспечение. Основными функциями земств были создание системы начального образования, органов здравоохранения, хозяйственной инфраструктуры (дороги и иные пути сообщения) и др., т.е. то, что сейчас принято называть *социальными функциями*, традиционно считающимися одними из самых сложных и дорогостоящих направлений деятельности любого государства. Всё это было переложено на плечи органов местного самоуправления, а фактически самого населения [5, с. 241–243].

Одним из направлений деятельности земских учреждений являлось *просветительство*. К этому времени ситуация с

Боджуга Г.А.

Библейское в русской художественной культуре: роль в современной системе образования России 90

Ледовская И.В.

Родительское благословение в сюжетно-мотивном комплексе русских сказок с персонажами-детьми 94

Охалкина П.М.

Функция легенды о Китеж-граде в драме «На дне» Максима Горького 98

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА И СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ

Белановский Ф.Ю.

Начальная история формирования комплекса источников по истории происхождения и расселения славян и начала русской государственности 103

Богачева М.М.

Бал в русской культуре XIX в. 107

Волков В.А.

Царь Иван IV Грозный в борьбе за престол Речи Посполитой 111

Егерева Т.А.

«...Старинный, почти допетровский быт»: граф С.Д. Шереметев об усадебной жизни князей Вяземских в Удино 116

Иванова А.Н.

Народные публичные чтения как способ просветительской деятельности земств в пореформенный период 122

Каюпова А.С.

Особенности церковного строительства в г. Астрахани в XVII–XIX веках 130

Кудряшова А.А.

Особенности деятельности княгини М.К. Тенишевой в социокультурной сфере во второй половине XIX — начале XX века 134

Лачаева М.Ю.

Жизнь и духовный подвиг народного пастыря священномученика Иакова Соколова (1874–1937) 142

Михальский Ф.А.

Особенности культурно-просветительской деятельности московских промышленников (*к постановке вопроса*) 148